

Ю. И. Семенов

О СПЕЦИФИКЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ) ОТНОШЕНИЙ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

I

Одной из самых важных в науке о первобытности является проблема социально-экономической структуры доклассового общества. Последние десятилетия характеризуются резким усилением внимания этнографов к первобытной экономике. К настоящему времени в рамках этнографической науки оформилась дисциплина, объектом исследования которой являются экономические отношения, во-первых, доклассовых и предклассовых обществ (так называемая «примитивная экономика»), во-вторых, крестьянских общин (так называемая «крестьянская экономика»). В зарубежной литературе она получила название *экономической антропологии*¹. Исходя из терминологии, принятой в советской науке, эту дисциплину, находящуюся на стыке этнографии и политической экономии, следует именовать либо *экономической этнографией* (эконом-этнографией), либо *этнографической экономией* (этноэкономией).

В 50—70-х годах в зарубежной этноэкономии отчетливо выделились два основных теоретических направления, одно из которых получило название *формализма*, а второе — *субстантивизма*². Представители первого являются сторонниками так называемой формальной экономической теории (формальной экономии), созданной последователями одного из основных направлений вульгарной буржуазной политэкономии — субъективной школы, или маржинализма. Их основной тезис заключается в том, что формальная экономическая теория является универсальной, т. е. в одинаковой степени применимой к экономической структуре всех обществ без исключения, начиная с первобытного и кончая капиталистическим.

«...Предположение, что может быть более одной экономической теории, абсурдно,— писал один из самых последовательных защитников формализма Д. Гудфеллоу. — Если современный экономический анализ с его инструментальными понятиями не может быть в равной степени применен к австралийскому аборигену и к лондонцу, не только экономическая теория, но и социальная наука в целом могут быть в значитель-

¹ История и современное состояние этой отрасли знания подробно рассмотрены в работе: Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

² Эти два течения подробно проанализированы в той же работе.

ной степени дискредитированы»³. С этим неизбежно связано отрицание качественной грани между первобытной и капиталистической экономикой.

Совершенно иных взглядов придерживаются субстантивисты. Сторонники данного направления исходят из того, что между первобытной экономикой, с одной стороны, и капиталистической, с другой, существует коренное, качественное различие. Как убедительно было показано в их работах, все основные понятия и положения маржинализма имеют своим источником капиталистические рыночные отношения. Отсюда следовал вывод, что формальная экономия совершенно неприменима к анализу экономических отношений первобытного общества. Необходимостью является создание специальной теории первобытной экономики, отличной не только от формальной экономии, но и вообще от любой теории капиталистической экономики.

Сама идея о существовании качественной грани между первобытной и капиталистической экономикой и о необходимости создания особой теории первобытной экономики является совершенно верной. Задолго до субстантивистов она была выдвинута и обоснована К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как известно, не только вульгарные экономисты, но и классики буржуазной политической экономии рассматривали созданные ими теории капиталистических отношений как всеобщие и универсальные. Иную позицию занимал К. Маркс. Раскрыв законы функционирования и развития буржуазной общественно-экономической формации, он показал, что капиталистический способ производства является всего лишь одной из стадий эволюции общественного производства, что кроме капитализма существуют и иные, качественно отличные от него системы экономических отношений, которые также нуждаются в теоретическом освещении.

В четкой форме задача создания теорий и иных, кроме капиталистической, систем производственных отношений была поставлена Ф. Энгельсом, который впервые провел различие между политэкономией в узком смысле — наукой о капиталистических экономических отношениях — и политэкономией в широком смысле — наукой о всех экономических системах. «Политическая экономия, в самом широком смысле, — писал он, — есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе»⁴. И тут же Ф. Энгельс подчеркивал, что политэкономия в широком смысле нельзя понимать как одну единую универсальную экономическую теорию, как теорию экономики вообще. Она с неизбежностью должна включать в свой состав столько отдельных теорий, сколько имеется особых систем общественного производства. «Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, — указывал Ф. Энгельс, — изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь, — от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох... Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии, — тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу — историческая наука. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом; она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще»⁵.

³ D. Goodfellow, Principles of economic sociology, London, 1939, p. 4.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 150.

⁵ Там же, стр. 150, 151.

Но если с выдвинутым субстантивистами положением о существовании качественного различия между первобытной и капиталистической экономикой нельзя не согласиться, то иначе обстоит с развиваемым в их работах пониманием этого различия. Правильным его признать нельзя. Если формалисты отрицали существование качественной грани между первобытной и капиталистической экономикой, то субстантивисты стали на путь абсолютизации этой грани. Особенно наглядно это проявилось в работах основоположника субстантивистского направления — экономиста и историка экономики К. Полани. Он ставил вопрос несколько шире, чем многие субстантивисты. В центре его внимания находилось различие не столько между первобытной и капиталистической экономикой, сколько между всеми докапиталистическими экономическими системами, включая и первобытную, и капитализмом. Но среди докапиталистических экономик его прежде всего интересовали «примитивные» («племенные») и «архаичные». Под первыми он понимал экономики доклассовых и переходных к классовым обществ, под вторыми — экономики раннеклассовых, прежде всего древневосточных, обществ.

По мнению К. Полани, отличие экономики «примитивных» и «архаичных» обществ от капиталистической не есть различие просто между разными экономикой. Оно носит значительно более глубокий характер. Вся суть дела, считает К. Полани, заключается в том, что в «примитивных» и «архаичных» обществах экономика занимает совершенно иное место, чем в капиталистическом. Характерную особенность капитализма К. Полани видит в том, что процесс производства организован в нем через посредство специфических экономических институтов. Капиталистическая экономика отделена от общества, образует особую самостоятельную сферу со своими собственными законами, которая противостоит всем остальным сферам и определяет последние. Что же касается «примитивных» и «архаичных» обществ, то специфических экономических институтов в них не существует. Экономический процесс организован там через посредство неэкономических социальных институтов, таких, например, как родство, брак, возрастные группы, тотемные ассоциации, государство и т. п. Если в капиталистическом обществе экономика образует особую сферу, противостоящую остальному обществу, то в «примитивном» она «погружена», «встроена», «врезана» в само общество⁶.

К. Полани обычно не употреблял в своих работах термина «экономические отношения», предпочитая говорить об «экономических институтах». Редко пользовался он и термином «социальные отношения», чаще всего говоря о «социальных институтах». Все это затрудняет понимание взглядов К. Полани. Но основная его мысль ясна: при капитализме существуют специфические экономические отношения, которые образуют особую систему, определяющую все прочие общественные отношения; в «примитивном» же и «архаичном» обществах особых экономических отношений не существует, их функцию выполняют родственные, семейно-брачные, моральные, религиозные, политические и иные неэкономические отношения. Отсюда следует вывод, что «экономический детерминизм», под которым К. Полани понимает, в частности, и марксово материалистическое понимание истории, справедлив лишь по отношению к капиталистическому обществу. Распространение его на все человеческое общество К. Полани расценивает как заблуждение⁷.

Другой видный представитель субстантивизма — Дж. Дальтон, принимая положение К. Полани о том, что в «примитивном» обществе экономика «погружена» в общество, в то же время несколько его модифицирует. Если К. Полани упорно подчеркивает, что родственные, мораль-

⁶ «Primitive, archaic and modern economies. Essays of K. Polany», N. Y., 1968, p. 7, 23, 65, 66, 84.

⁷ «Primitive, archaic and modern economies...», p. 61, 70, 71.

ные, политические отношения, через посредство которых организован, по его мнению, экономический процесс в «примитивном» обществе, являются неэкономическими, социальными, то Дж. Дальтон характеризует их как одновременно и социальные и экономические, как социально-экономические, что, конечно, не меняет сущности взгляда.

Но развивая такого рода воззрения на первобытную экономику, и К. Полани, и Дж. Дальтон с неизбежностью должны были столкнуться с противоречием. Ведь если в первобытном обществе функцию экономических связей выполняют родственные, моральные, религиозные отношения, то отсюда следует, что не может существовать и особой теории первобытной экономики. Теории родственных, моральных, религиозных отношений должны быть одновременно и теориями первобытной экономики. А между тем и К. Полани, и Дж. Дальтон ставят своей задачей создание особой теории первобытной экономики, отличной от теорий религии, морали, родства и т. п.

И пытаясь преодолеть эту трудность, они, опять-таки вступая в противоречие со своими же собственными положениями, допускают существование в «примитивном» обществе особых экономических отношений⁸. Дж. Дальтон, например, в своих работах неоднократно говорит об экономической организации, экономической структуре первобытного общества. Но если и в «примитивном» обществе существует особая экономическая организация, то возникает вопрос об ее отношении к остальным общественным связям. «Маркс был неправ,— отвечает на этот вопрос Дж. Дальтон,— распространяя экономическое детерминирование социальной организации на ранние и примитивные общества. Действительный урок экономической антропологии заключается в том, что экономическая организация в примитивном обществе не оказывает определяющего влияния на социальную организацию и культуру. Скорее именно родство, племенная принадлежность, политическая власть и религиозные обязательства контролируют, управляют и выражаются в экономике в примитивных обществах»⁹. «Эти примитивные экономики,— подчеркивает он в другой работе,— так организованы, что распределение труда и земли, организация труда в производственном процессе и распоряжение благами и услугами — короче, производство и распределение — представляют собой выражение лежащих под ними родственных обязательств, племенной принадлежности и религиозного и морального долга»¹⁰. Если К. Полани указывал на несовместимость с материалистическим пониманием истории взгляда, по которому в примитивном обществе нет особых экономических связей, а их функцию выполняют родственные, моральные, религиозные отношения, то Дж. Дальтон подчеркивает несовместимость с историческим материализмом понимания экономических отношений первобытного общества как производных от родственных, моральных, политических и т. п. И с ним в этом отношении нельзя не согласиться. Действительно, обе эти точки зрения, не просто сосуществующие, но буквально переплетающиеся на страницах работ почти всех, если не всех, субстантивистов¹¹, совершенно несовместимы с материалистическим пониманием истории.

Это обстоятельство важно подчеркнуть потому, что имеются исследователи, которые, принимая подобного рода взгляды на экономические отношения как первобытного, так и докапиталистических классовых обществ, в то же время объявляют, что они полностью согласуются с марксизмом. Так, например, Э. Террей в книге «Марксизм и „прими-

⁸ Там же, стр. 307—310; G. Dalton, *The economic system*, «Handbook of method in cultural anthropology», N. Y., 1970, p. 462 и др.

⁹ G. Dalton, *Introduction*, «Primitive, archaic and modern economies...», p. XVII.

¹⁰ G. Dalton, *The development of subsistence and peasant economies in Africa*, «International social science journal», vol. 16, № 3, 1964, p. 381.

¹¹ Помимо работ К. Полани и Дж. Дальтона см. также: M. Sahlins, *Stone age economics*, Chicago and N. Y., 1972, p. 76—78, 101, 102, 111—123.

тивные общества“», обращаясь к анализу докапиталистического общества, в конечном счете приходит к тем же выводам, что и Полани¹². Начав с утверждения, что в докапиталистических обществах в производственные отношения в качестве составляющего элемента входят неэкономические, надстроечные связи — политические, юридические, идеологические, Э. Террей в конечном счете приходит к выводу, что именно последние в докапиталистических обществах и выполняли те самые функции, которые в капиталистическом обществе несут экономические отношения¹³. И утверждение Э. Террея, что он стоит на позициях материалистического понимания истории, ибо, согласно его точке зрения, и в докапиталистических обществах «экономический базис» является если не доминирующим, то детерминирующим, ничего не меняет. О каком «экономическом базисе» и какой детерминации может идти речь, если сам этот базис состоит из неэкономических, надстроечных отношений?

Следует сказать, что и при жизни К. Маркса отдельные авторы выступали с утверждением, что его положение о системе производственных, экономических отношений как основе всех прочих общественных отношений, фундаменте общества в целом, будучи справедливым в отношении капитализма, совершенно неприменимо к докапиталистическим обществам. И К. Маркс давал им совершенно четкий и недвусмысленный ответ: «Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира... Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы „К критике политической экономии“, 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — „экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания“, что „способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“ — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, когда господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — пслитикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм»¹⁴.

Но совершенно недостаточно установить ошибочность того или иного взгляда. Тот факт, что рассмотренная выше точка зрения снова и снова возрождается и каждый раз находит сторонников, не может быть оставлен без объяснения.

¹² E. Terray, *Marxism and «primitive» societies*, N. Y. and London, 1972. Подробный разбор этой работы см.: Ю. И. Семенов, *Марксизм и первобытность*, «Сов. этнография», 1975, № 4.

¹³ E. Terray, *Указ. раб.*, стр. 148—150.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 23, стр. 91, 92 (примечание).

Объяснение может быть найдено лишь в том, что в этой в целом неверной точке зрения есть крупницы истины, что это заблуждение выросло на основе абсолютизации одной из сторон действительности, причем такой, которая до сих пор не была подвергнута детальному анализу с позиций исторического материализма.

К. Полани был неправ, когда абсолютно противопоставлял экономику капиталистического и экономикку докапиталистических, включая первобытное, обществ. Но доля истины в его рассуждениях была. Действительно, отличие первобытной экономики от капиталистической не сводится к тому, что в первобытном обществе существуют производственные отношения иного типа, чем в капиталистическом обществе, как это нередко представляют. Производственные связи в первобытном обществе в самом деле находятся в несколько ином отношении к прочим общественным связям, чем производственные отношения в капиталистическом обществе. Игнорирование этой специфики, попытки рассматривать взаимоотношение производственных и прочих социальных связей в первобытном (и других докапиталистических обществах) как абсолютно такое же, что и в капиталистическом обществе, породило и порождает представление о том, что материалистическое понимание истории либо совершенно неприменимо к первобытному обществу (К. Полани, Дж. Дальтон), либо неприменимо в том виде, в котором оно сформулировано в предисловии к «К критике политической экономии» (Э. Террей)¹⁵.

II

Как следует из высказываний К. Маркса, сущность материалистического понимания общества заключается во взгляде на систему производственных, социально-экономических отношений как на основу всех прочих социальных отношений, как на фундамент общества в целом. Каждый базис порождает соответствующую надстройку. Но данное положение нельзя понимать упрощенно. Социально-экономические отношения, взятые сами по себе, не порождают прочих общественных отношений. Их создают сами люди, которые, однако, не могут существовать иначе, как в системе определенных производственных отношений. И эти отношения, возникшие и существующие независимо от воли и сознания людей, определяют их мысли, желания, намерения, короче, их волю и сознание, определяют их действия и поступки, их поведение, а тем самым и все прочие их социальные связи.

Для той или иной системы производственных отношений существовать — значит определять волю людей, проявляться в их действиях и поступках. Если та или иная система производственных отношений не определяет целей и намерений людей, не проявляется в их поведении, это означает, что она просто-напросто не существует. Каждый поступок человека есть определенный волевой акт, есть единичное конкретное волевое отношение. Таким образом, материальные объективные связи людей, какими являются производственные отношения, не могут существовать иначе, как проявляясь в человеческих волевых отношениях. Бытие определенных производственных отношений с необходимостью предполагает и существование определенных волевых отношений. Без определенных волевых отношений не могут существовать и соответствующие производственные.

Иначе говоря, независимость системы производственных отношений, т. е. общественного бытия, от воли и сознания людей, первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию ни в коем случае не означает возможности существования производствен-

¹⁵ Е. Террей, Указ. раб., стр. 2, 14, 184.

ных отношений до сознания и без сознания, до волевых отношений и без волевых отношений. Общественное бытие может существовать только в неразрывной связи с общественным сознанием. Производственные отношения независимы от воли и сознания людей только в том смысле, что ни сам факт их существования, ни их характер не определяются ни волей, ни сознанием людей, живущих в системе этих связей. Их природа, как известно, определяется уровнем развития производительных сил. Система производственных отношений первична по отношению к общественному сознанию в том смысле, что сама, не определяясь взглядами людей, т. е. не завися от них, она в конечном счете определяет все их взгляды, а тем самым и все их волевые отношения. Именно в этом заключается материальность, объективность производственных отношений.

Система производственных отношений, определяя сознание и волю людей, порождает волевые отношения и проявляется в последних. Но в разных волевых отношениях она проявляется несколько по-разному.

Производственные, социально-экономические отношения людей в своей сущности есть не что иное, как отношения собственности. К. Маркс, как известно, неоднократно определял буржуазную частную собственность как всю совокупность буржуазных производственных отношений в целом, а стоимость, цену, деньги, прибыль и т. п. как разные формы частной собственности¹⁶. Собственность как производственное, социально-экономическое отношение существует в виде отношений собственно производства, распределения и обмена. Вполне понятно, что никаких отношений собственно производства, распределения и обмена не может существовать без действий людей по производству, распределению и обмену материальных благ. Для обозначения совокупности этих действий обычно применяется термин «производственная деятельность». Он имеет два смысла. В узком смысле под производственной деятельностью понимаются только собственно действия по производству материальных благ, в широком — акты как собственно производства, так и распределения и обмена. Для обозначения всей совокупности актов собственно производства, распределения и обмена применяются также термины «экономическая деятельность» и «экономическое поведение». Иногда, впрочем, последний термин применяется для обозначения только актов распределения и обмена.

Как уже указывалось, каждое человеческое действие есть единичное, конкретное волевое отношение. Конкретными волевыми отношениями являются, вполне понятно, и все акты производства, распределения и обмена. Собственно производственные действия суть волевые отношения человека к природе, в которых, однако, всегда проявляются его отношения к другим людям. Действия по распределению и обмену непосредственно являются волевыми отношениями между людьми. Волевым отношением между людьми является, в частности, любой акт обмена товарами, любой акт купли-продажи¹⁷.

Эти экономические по своей функции волевые отношения некоторые исследователи стали именовать «конкретными волевыми экономическими отношениями»¹⁸. Это вызвало возражение со стороны других авторов, заявивших, что экономические отношения могут быть только материальными, объективными, но ни в коем случае не волевыми, и что поэтому сам термин «волевые экономические отношения» являет-

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 34; т. 3, стр. 218, 219; т. 4, стр. 318; т. 16, стр. 27; т. 27, стр. 406.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94; т. 25, ч. 1, стр. 373.

¹⁸ См. Н. Г. Александров, Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе, «Вопросы философии», 1958, № 2, стр. 13, 14; С. Н. Братусь, Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР, «Вопросы общей теории советского права», М., 1969, стр. 70—83, 95; С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 1, Свердловск, 1963, стр. 54—57.

ся в принципе ошибочным¹⁹. Но суть дела не в названии, а в решении вопроса об отношении между данными связями и теми отношениями, которые в марксистской общественной науке принято именовать производственными, социально-экономическими, а нередко и просто экономическими.

Прежде всего ясно, что те и другие отношения не тождественны. Волевые отношения, имеющие экономическую функцию, бесспорно, субъективны по своей форме. Признание их тождественными производственным отношениям равносильно отрицанию материального, объективного характера последних. Столь же ошибочно и включение данных волевых связей в производственные отношения в качестве одного из элементов, к чему склоняются некоторые авторы из числа тех, что используют термин «волевые экономические отношения»²⁰. Оно с неизбежностью ведет к тому же результату, т. е. к отрицанию объективного характера производственных отношений.

И в то же время нельзя рассматривать волевые отношения с экономической функцией и производственные отношения как существующие рядом, параллельно, и лишь взаимодействующие друг с другом. Производственные отношения могут существовать, только проявляясь в волевых отношениях с экономической функцией. Последние представляют собой не что иное, как форму проявления, форму бытия производственных отношений. Будучи субъективными по форме, волевые отношения с экономической функцией объективны по своему содержанию, ибо этим их содержанием являются материальные социально-экономические отношения. «Это юридическое отношение, формой которого является договор, — писал К. Маркс, характеризуя акт товарообмена, — все равно закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением»²¹.

Но, проявляясь в содержании волевых отношений, производственные отношения никогда полностью не совпадают с ними. Все конкретные акты обмена, купли-продажи мимолетны и преходящи. Каждое из этих конкретных волевых отношений могло быть, а могло и не быть. В отличие от них производственные отношения есть связи необходимые, связи, которые не могут не быть. Производственные отношения есть то прочное, повторяющееся, необходимое, что проявляется во всех волевых отношениях с экономической функцией.

Отношение первых и вторых в какой-то степени есть отношение общего и отдельного. Но оно не сводится к последнему. Система производственных отношений есть то, что связывает людей воедино, делает их совокупность обществом, одним единым социальным организмом, развивающимся по законам, не зависящим от сознания и воли людей. Тем самым система производственных отношений связывает воедино все конкретные волевые отношения с экономической функцией, делая их частичками единого целого. Система производственных отношений есть то объективное единство, та объективная целостность, та объективная структура, которая проявляется и воплощается во всем многообразии волевых отношений с экономической функцией.

Социально-экономические, производственные отношения, находящие свое проявление в волевых отношениях с экономической функцией, суть отношения собственности. Соответственно и волевые отношения, в которых воплощаются производственные отношения, также являются отношениями собственности, но только иными по своей приро-

¹⁹ В. В. Малькевич, Об одной правовой конструкции, «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 139—141.

²⁰ См. С. Н. Братусь, Указ. раб., стр. 95.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94.

де. Если одни являются материальными отношениями собственности, то другие — волевыми отношениями собственности. Последние представляют собой не просто воплощение собственности как экономического отношения, но и реализацию права собственности. В классовом обществе право собственности закрепляется в законах и охраняется государством. Поэтому волевые отношения собственности всегда являются в нем правовыми, юридическими отношениями.

Именно потому, что отношениями собственности являются в действительности как производственные отношения, так и волевые, в которых они воплощаются, К. Маркс употреблял термин «собственность» для обозначения как первых, так и вторых. Однако при этом Маркс указывал на необходимость строго различать отношения собственности как производственные, экономические отношения, и отношения собственности как юридическое выражение первых, как волевые отношения. «То, о чем в сущности шла речь у Прудона, — писал он в письме к И. Б. Швейцеру, — была существующая, современная буржуазная собственность. На вопрос, что она такое? — можно было ответить только критическим анализом „политической экономии“, охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как производственных отношений»²².

Употребление термина «собственность» для обозначения как производственных, так и волевых отношений, являясь оправданным, в то же время создает определенные неудобства. Говоря о собственности, мы каждый раз должны пояснять, идет ли речь о материальных или волевых отношениях собственности. Для облегчения изложения мы в дальнейшем волевые отношения с экономической функцией, т. е. волевые отношения собственности, будем именовать *имущественными отношениями*. В русской марксистской литературе давно уже существует традиция использования термина «имущественные отношения» для обозначения исключительно лишь волевых отношений собственности²³.

Конкретные имущественные отношения существовали на всех этапах эволюции общества. Однако они никогда не были единственными существующими волевыми отношениями. Производственные отношения, определяя волю и сознание людей, порождали, кроме имущественных, и иные конкретные волевые отношения. Отличие их от имущественных прежде всего состояло в том, что они не имели экономической функции, не были актами производства, распределения и обмена. Поэтому хотя в этих отношениях, как и в имущественных, находили свое проявление экономические отношения, однако они не были формой существования последних. Производственные отношения в них проявлялись, но не воплощались.

III

Характерным для капитализма является то, что различия между имущественными и неимущественными волевыми отношениями не ограничивались только наличием у первых и отсутствием у вторых экономической функции. При капитализме производственные отношения определяли имущественные иным способом, чем прочие волевые отношения. В этом обществе существовало два разных механизма определения (детерминации) воли людей системой производственных отношений, один из которых действовал в сфере экономической деятельности, а другой — во всех остальных сферах человеческого поведения.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 26.

²³ См. Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, «Избранные философские произведения», т. I, М., 1956, стр. 528 сл.

Не рассматривая капитализм в целом, ибо его сущность достаточно хорошо известна, остановимся лишь на тех особенностях системы капиталистических производственных отношений, которые необходимы для понимания рассматриваемой проблемы. Напомним прежде всего, что капитализм есть высшая форма товарного производства. А характерная особенность товарного производства заключается в том, что отношения людей, втянутых в его процесс, с необходимостью приобретают вещный характер. Иными словами, материальные производственные отношения между участниками товарного производства, продолжая существовать в форме конкретных имущественных отношений людей, одновременно с неизбежностью предстают в их глазах как вне их сознания существующие общественные отношения вещей, как рынок товаров²⁴.

Приняв форму системы общественных отношений вещей, рынка, система производственных отношений выступает перед людьми как объективная реальность, к которой они должны приспособляться, которая не только не находится под их контролем, но, наоборот, господствует над ними, определяет их экономическую деятельность. «Величины стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать»²⁵.

Власть рынка над человеком тем значительней, чем большая часть продуктов приобретает форму товара. Капитализм, как известно, характеризуется тем, что «все или, по крайней мере, большинство продуктов принимает форму товара...»²⁶. В эпоху домонополистического капитализма рынок всецело детерминировал поведение людей в сфере экономики. Он определял как мотивы, стимулы, цели деятельности, так и способы достижения поставленных целей.

В обществе, в котором все продукты приобрели форму товара, человек может получить необходимые жизненные средства только на рынке за деньги. Людям, лишенным средств производства, не остается ничего другого, как продавать рабочую силу собственникам средств производства. Причем вполне понятно, что пролетарий стремится продать рабочую силу по возможности дороже, а полученные деньги израсходовать так, чтобы обеспечить максимально возможное при данной сумме удовлетворение потребностей.

Капиталиста же эти производственные отношения заставляют стремиться к прибавочной стоимости. Вся деятельность капиталиста в экономической сфере подчинена одной задаче — такого использования имеющегося в его распоряжении капитала, которое обеспечит ему максимально возможную прибыль. Тщательный расчет, постоянное рациональное калькулирование является для капиталиста объективной необходимостью. В противном случае он не выдержит конкуренции и разорится, т. е. перестанет быть капиталистом. Это обуславливает важность теорий рационального расчета затрат и выручки, которая позволила бы из всех возможных вариантов использования имеющихся в распоряжении предпринимателя средств выбрать такой, который в данных условиях обеспечил бы наибольшую прибыль. Такой теорией и является формальная экономия, о которой уже шла речь выше.

Объективность, материальность рыночных капиталистических отношений проявляется столь отчетливо, что ее не могли не заметить буржуазные экономисты. В частности, независимость капиталистических рыночных отношений от воли и сознания людей подчеркивается в работах основоположника субстантивизма — К. Полани. Капиталистиче-

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 43—165; т. 46, ч. 1, стр. 99—108.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 85.

²⁶ Там же, стр. 180.

скую экономику он характеризует как рыночную, как саморегулирующуюся систему рынков. «В рыночной экономике, — писал он, — производство и распределение материальных благ в принципе осуществляется через саморегулирующуюся систему рынков со свободно устанавливающимися ценами. Она управляется своими собственными законами — законами спроса и предложения и стимулируется страхом перед голодом и погоней за прибылью»²⁷. С этим и связано признание им справедливости материалистического понимания истории по отношению к капиталистическому обществу.

Система производственных отношений, выступая как система общественных отношений вещей, прямо, непосредственно определяет волю каждого конкретного человека в сфере экономической деятельности. Другие стимулы, кроме прямых экономических, кроме стремления к денежной выгоде, в этой сфере не действуют. Поэтому имущественные отношения при капитализме имеют только одно содержание — экономическое. Они являются, если можно так выразиться, вдвойне экономическими: во-первых, по своей функции, во-вторых, по способу непосредственной детерминации. И это обстоятельство резко обособляет их от всех прочих волевых отношений. Последние в отличие от конкретных имущественных отношений не только не имеют экономической функции, но и, как правило, детерминируются производственными отношениями не прямо, не непосредственно, а через массу посредствующих звеньев, например через мораль, право и т. п. С этим связано достаточно четкое отграничение в этом обществе сферы экономической деятельности от всех остальных сфер человеческого поведения — политической, религиозной и т. п.

И бросающееся в глаза различие имущественных и прочих волевых отношений нередко истолковывается исследователями неверно. Оно понимается как различие между производственными, базисными отношениями, с одной стороны, и идеологическими, надстроечными — с другой. Все отношения в политической сфере есть политические отношения. По аналогии с этим и все отношения в сфере экономической деятельности понимаются как материальные производственные отношения. А это ошибка. Сфера производственной деятельности не в меньшей степени, чем прочие области человеческого поведения, представляет собой совокупность огромного множества волевых отношений людей. Эти отношения не в меньшей степени, чем, скажем, политические, являются идеологическими, надстроечными. Это отчетливо проявляется, в частности, в том, что эти отношения представляют собой правовые, юридические отношения. Базис общества образуют вовсе не эти волевые отношения, которые мы условились именовать имущественными, а непосредственно определяющие эти отношения и существующие в этих отношениях как их сущность, целостность, структура, материальные производственные отношения людей.

IV

От капиталистического общества перейдем теперь к первобытному. Чтобы не усложнять задачи, возьмем последнее таким, каким оно было на ранних ступенях первой фазы своего развития. Оно характеризовалось тогда существованием общественной, коллективной собственности как на средства производства, так и на весь созданный обществом продукт²⁸. Общественная собственность на весь добываемый членами коллектива продукт находила свое наглядное выражение в отношениях так называемого уравнительного распределения.

²⁷ «Primitive, archaic and modern economies...», p. 81.

²⁸ О фазах эволюции первобытного общества см.: Ю. И. Семенов, Первобытно-общинный строй, «Большая Советская Энциклопедия», т. 19, стр. 357.

В обыденном представлении уравнительность в распределении материальных благ нередко понимается, как раздел их *поровну* между всеми членами коллектива. Однако во всех известных этнографии социальных организмах, находившихся на стадии первобытного общества, различные члены общества чаще всего получали неодинаковые доли продукта. Это обстоятельство и побудило некоторых авторов выступить с призывом отказаться от термина «уравнительное распределение» и заменить его иным, более четко выражающим сущность отношений. В качестве такового был предложен термин «равнообеспечивающее распределение»²⁹. Однако более удачным признать его нельзя. Ведь его буквальное значение: *равное* обеспечение всех членов коллектива, что может быть понято только как распределение общественного продукта между ними поровну. По сравнению с этим термином старый выглядит значительно лучше, ибо его буквальный смысл не *равенство*, а *уравнивание*. Учитывая, что он является общепринятым, мы будем им пользоваться.

Социально-экономические отношения распределения, получившие название уравнительных, не предполагают с необходимостью распределения поровну, хотя это может иметь место. Суть их заключается в том, что каждый член данного социального организма имеет право на часть созданного в нем общественного продукта, прежде всего пищи, совершенно независимо от того, участвовал ли он сам в его производстве или не участвовал. Достаточным основанием для получения доли продукта, созданного в коллективе, является членство в нем. Никаких других оснований нет и не нужно. Уравнительное распределение является выражением того, что весь общественный продукт принадлежит всем членам коллектива вместе взятым. Именно поэтому каждый из них имеет полное право на его долю.

Но если при распределении общественного продукта не учитывается вклад человека в его создание, то при отсутствии частной собственности доля продукта, полученная каждым членом коллектива, может определяться только тремя факторами, во-первых, общим объемом произведенного продукта, во-вторых, потребностями данного индивида, в-третьих, интересами коллектива, которые в определенных условиях могут потребовать увеличения доли одних его членов за счет доли других. Но в главном, основном, уравнительное распределение было распределением по потребностям. Особенно наглядно это проявлялось в такие периоды в жизни первобытных социальных организмов, когда добытой пищи, которая всегда была основным объектом распределения, было вполне достаточно для полного удовлетворения потребностей всех членов коллектива. Пища тогда распределялась по потребностям в точном смысле слова, т. е. каждый член общества получал столько, сколько ему было нужно. Но и в периоды, когда добытого продукта было недостаточно для полного удовлетворения потребностей членов общества, он все равно распределялся по потребностям, т. е. в соответствии с реальными потребностями индивидов, пропорционально их потребностям. Взрослые мужчины, занятые тяжелым физическим трудом, требовавшим значительной отдачи энергии, нуждались в большем количестве пищи, чем дети и старики, и соответственно получали большие доли продукта.

Таким образом, при уравнительном распределении каждый трудоспособный член коллектива был обязан вносить созданный им продукт в общий фонд коллектива, или, иными словами, он был должен делиться им с другими членами коллектива. И непосредственно в качестве силы, заставлявшей его поступать именно так, а не иначе, высту-

²⁹ Г. Ф. Хрустов, К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 16—36.

пала мораль, находившая свое выражение в общественном мнении коллектива и закреплявшаяся в обычаях и традициях. Требование делиться добытым продуктом, прежде всего пищей, с другими членами коллектива было одной из самых важных норм первобытной морали. Об этом единодушно пишут все исследователи.

Экономические действия, а тем самым и волевые отношения с экономической функцией, существовали и в первобытном обществе. Но в качестве фактора, непосредственно определявшего эти действия, в первобытном обществе выступали не производственные отношения непосредственно, а мораль. Поэтому имущественные отношения в первобытном обществе были одновременно и моральными.

Причем они были моральными далеко не в том же самом смысле, в каком имущественные отношения при капитализме были правовыми. Имущественные отношения капитализма являются правовыми только по своей форме, своей оболочке. Право при капитализме не выступает в качестве фактора, определяющего содержание поведения людей. Капиталистическая экономика, взятая сама по себе, не только не нуждается, но наоборот, исключает внеэкономическое принуждение. Ее функционирование основывается на экономическом принуждении. И роль права как формы внеэкономического принуждения сводится в экономической сфере к предотвращению внеэкономического принуждения (например, насильственного присвоения чужой собственности), к обеспечению действия в ней лишь экономического принуждения. Иными словами, право при капитализме играет роль лишь рамок, в которых разворачиваются действия людей, определяемые экономическими стимулами.

Иную роль играет мораль в первобытном обществе. Она выступает как фактор, определяющий действия людей по производству и распределению материальных благ. Имущественные отношения первобытного общества являются моральными не только по форме, но и по содержанию.

Все сказанное выше делает понятным появление взглядов на первобытную экономику, подобных тем, что развивали К. Полани, Дж. Дальтон и другие субстантивисты. Под экономическими отношениями К. Полани понимал не собственно материальные производственные отношения, существование которых он, не будучи марксистом, не признавал, а и проявление этих отношений в форме объективных общественных отношений вещей и одновременно непосредственно определяемые ими имущественные отношения. Причем только такого рода отношения он соглашался считать экономическими. Но в первобытном обществе производственные отношения не выступают как общественные отношения вещей и соответственно в нем нет волевых отношений, которые не только обладали бы экономической функцией, но и детерминировались бы непосредственно экономически. Именно это и привело К. Полани к выводу, что в первобытном обществе вообще нет экономических отношений, что их функции выполняют отношения моральные. Другие субстантивисты были менее требовательными. Для признания волевых отношений экономическими им было достаточно наличия у этих связей экономической функции. Поэтому в отличие от К. Полани они прямо признавали существование в первобытном обществе экономических отношений. Однако они тут же либо подчеркивали, что эти отношения являются не только экономическими, но одновременно и моральными, либо, что эти отношения, представляя собой несомненно экономические связи, являются в то же время производными от моральных отношений (Дж. Дальтон). Нетрудно заметить, что различия между взглядами К. Полани и других субстантивистов не носят принципиального характера. В сущности эти взгляды совпадают. И недаром тот же самый К. Полани, вступая в противоречие с собой, говорит в некоторых работах о существовании в первобытном обществе особых экономических отношений,

но производных, разумеется, от морали³⁰. И суть взглядов всех субстантивистов заключается в том, что все отношения в первобытном обществе являются волевыми, производными от сознания.

С тем, что имущественные отношения в первобытном обществе прямо, непосредственно определяются моралью, нельзя не согласиться. Это несомненный факт. Мораль в первобытном обществе определяла все действия людей, не исключая экономических. Но ограничиваться констатацией того, что имущественные отношения в первобытном обществе определялись моралью, совершенно недостаточно. Необходимо найти ответ на естественно возникающий вопрос, чем же определяется сама мораль первобытного общества, почему в этом обществе существуют моральные нормы, заставляющие людей делиться друг с другом добытым продуктом.

Мораль обычно определяется как форма общественного сознания. Однако это определение не раскрывает специфики морали. Она является формой не просто общественного сознания, а общественной воли. Следует сказать, что если понятие общественного сознания давно уже получило права гражданства как в историческом материализме, так и в конкретных общественных науках, то несколько иначе обстоит с понятием общественной воли. Оно официально не числится в списке категорий общественных наук, хотя и широко в них используется. Достаточно вспомнить данное классиками марксизма определение права как воли господствующего класса, возведенной в закон³¹. В их работах неоднократно говорится также о государственной воле, воле государства³². Но если в классовом обществе право есть воля господствующего класса, возведенная в закон, то в социалистическом оно представляет собой возведенную в закон волю всего общества в целом. Волей общества в целом, но только выраженной не в законах, а в общественном мнении, является социалистическая мораль. В антагонистических обществах мораль носит классовый характер, является волей того или иного класса. И во всех приведенных выше примерах мы имеем дело с различными формами общественной воли, отличной от воли индивидов, индивидуальной воли.

В применении к первобытному обществу, не знающему деления на группы с противоположными интересами, имеются все основания говорить о воле общества в целом, о воле социального организма. Эту волю обычно именуют моралью. И основания для этого есть — по своему характеру она ближе всего к морали. Но мораль, начиная с перехода к классовому обществу, всегда существует как одна из форм общественной воли наряду с другими ее формами — правом, этикетом. Воля же первобытного социального организма носила нерасчлененный характер. Она обладала особенностями и морали, и этикета, и даже некоторыми чертами, присущими в классовом обществе только праву. Все это отличает ее от морали в привычном смысле. Но не желая изобретать нового термина, мы в дальнейшем изложении будем продолжать называть нерасчлененную волю первобытного социального организма моралью.

Общественная воля определяется общественными интересами. В отличие от понятия общественной воли понятие общественного интереса давно уже получило признание в марксистской общественной науке. Воля класса определяется интересами класса. Воля социального организма, не расчлененного на антагонистические классы, определяется интересами общества в целом. Общественные интересы объективны. Своими корнями они уходят к системе производственных, социально-экономических отношений. Интересы класса определяются его местом в системе производственных отношений, образующей базис общества. Интересы соци-

³⁰ «Primitive, archaic and modern economies...», p. 307—310.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 443.

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310.

ального организма определяются характером всей системы производственных отношений, существующих в нем.

Для понимания социально-экономических отношений классового общества большое значение имеют понятия необходимого и прибавочного продукта. Полезны они и при анализе перехода от доклассового общества к классовому. Но в отношении собственно первобытного общества они во многом лишены смысла, поэтому когда эти термины применяются по отношению к нему, то в них с неизбежностью вкладывается иное содержание. Говоря о необходимом и прибавочном продукте, исследователи имеют в виду то, что можно было бы назвать *жизнеобеспечивающим и избыточным* продуктом.

Жизнеобеспечивающим является общественный продукт, абсолютно необходимый для поддержания физического существования членов первобытного коллектива, причем такого, при котором их организмы функционируют более или менее нормально, не претерпевая необратимых патологических изменений. Это, выражаясь словами К. Маркса, «физически необходимый минимум жизненных средств»³³. Весь общественный продукт, превышающий этот уровень, является избыточным. Избыточен он вовсе не в том смысле, что не может быть потреблен членами коллектива, а лишь в том, что и без него возможно их нормальное физическое, а тем самым и социальное существование.

Нетрудно понять, что основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Добывание определенного количества пищи — абсолютно необходимое условие нормальной жизнедеятельности человека. Как свидетельствуют данные этнографии, пища всегда была в центре внимания людей доклассового общества. «В наиболее первобытных племенах, — писала английский этнограф О. Ричардс в специальном исследовании по этому вопросу, — голодовка есть постоянная возможность, если не реальная опасность. Поиски пищи есть главное занятие каждого активного члена общины, и все наиболее главные институты связаны с владением и распределением запасов. Эмоциональная жизнь первобытного человека поэтому управляется желаниями и тревогами, связанными с пищей. Его отношения с другими членами общины фактически определяются в огромной степени нуждой в пище, и пища сама как объект такого острого и многообразного интереса становится центром комплекса ценностей в его социальной жизни»³⁴.

«Она, — писал Ф. Белл о роли пищи в жизни меланезийцев островов Танга, — играет очень важную, если не наиболее важную роль в жизни этого примитивного народа. Их экономические усилия почти полностью направлены на производство пищи. Интересы индивида, так же как и общины, сконцентрированы главным образом на пище, и тот род жизни, который они ведут, в конечном счете определяется их нуждой в пище»³⁵. «Пища, — вторят ему африканисты М. Фортес и С. Фортес, — есть главная практическая проблема в социальной жизни таллензи. Она, как и во всех вообще примитивных обществах, является фундаментальной составляющей бесчисленного множества социальных ситуаций, непосредственно не связанных с питанием, например, жертвоприношений духам предков или погребальных церемоний»³⁶.

Важно отметить, что в двух последних цитатах речь идет о народах, давно уже перешедших к земледелию и скотоводству и производивших довольно значительный избыточный продукт. Тем более велико было значение пищи в обществах охотников и собирателей. Главная их забо-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 360.

³⁴ A. I. Richards, *Hunger and work in a savage tribe*, London, 1934, p. 14.

³⁵ F. L. S. Bell, *The place of food in the social life of the Tanga*, «Oceania», vol. 19, № 1, 1948, p. 74.

³⁶ M. and S. L. Fortes, *Food in domestic economy of Tallensi*, «Africa», vol. 9, № 2, 1936, p. 237.

та всегда состояла в том, чтобы добыть столько пищи, чтобы ее хватило для обеспечения существования.

Но хорошо известно, что ход и исход таких видов хозяйственной деятельности, как охота и в значительной степени также и рыболовство, во многом зависят не столько от собственных усилий человека, сколько от случайного стечения обстоятельств. Не желая перегружать статью примерами, которые в изобилии можно почерпнуть из описаний путешественников и трудов этнографов³⁷, ограничимся обобщающим высказыванием одного из крупнейших русских этнографов. «Какими же методами,— писал Л. Я. Штернберг,— человек борется за свое существование? В первую очередь он применяет свои собственные силы... Его основной метод борьбы за существование — это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве, в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает „его величество случай“, то, что мы называем удачей, счастьем и т. д.»³⁸.

Зависимость самого существования людей от случайностей с особой силой давала себя знать на той стадии развития, когда весь общественный продукт был только жизнеобеспечивающим. В этих условиях неблагоприятные случайности легко могли привести к гибели людей. И естественно, что необходимым условием существования общества была нейтрализация власти случайностей над добыванием пищи. А к этому вел только один путь — установление полной собственности социального организма на всю пищу, добытую его членами, причем совершенно независимо от того, была ли она ими добыта совместно или в одиночку. И эта полная собственность социального организма на пищу могла выразиться только в одном — в распределении пищи между всеми его членами, причем совершенно независимо от того, участвовали они в ее добывании или не участвовали. Только утверждение коллективной собственности и уравнительного распределения делало возможным погашение неудач одних членов коллектива в добыче пищи удачами других его членов и тем самым систематическое обеспечение каждого человека прожиточным минимумом. Так как вся пища была полной собственностью коллектива, то естественно, что и орудия, с помощью которых она добывалась, уже тем самым тоже были собственностью коллектива. И вполне понятно, что их распределение между членами коллектива определялось теми же самыми принципами, что и распределение пищи. В этих условиях и труд членов коллектива всегда носил непосредственно общественный характер совершенно независимо от того, трудились ли члены коллектива совместно или в одиночку. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства,— писал К. Маркс,— был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»³⁹.

На стадии, когда избыточный продукт полностью отсутствовал или был сравнительно незначителен, собственность могла быть только коллективистической, а распределение только уравнительным и никаким иным. Именно такой, а не какой-либо другой характер производственных отношений был обусловлен объемом произведенного обществом

³⁷ Литературу по этому вопросу см. в кн.: Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966, стр. 352—353.

³⁸ Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции, Л., 1936, стр. 246, 247.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 404.

продукта. Но объем продукта есть не что иное, как показатель уровня производительных сил. Последний, определяя количество произведенного продукта, детерминировал тем самым природу производственных отношений на первой фазе первобытного общества.

Таким образом, характер производственных отношений первобытного общества ничуть не в меньшей степени не зависел от воли и сознания людей, чем характер производственных отношений капиталистического общества. Производственные отношения первобытного общества, как и социально-экономические отношения капиталистического общества, были материальными, объективными. И так же как производственные отношения капиталистического общества, они не могли существовать, не определяя воли людей, не воплощаясь в волевых отношениях с экономической функцией, т. е. имущественных, и не проявляясь во всех прочих волевых отношениях. И они, определяя волю людей, воплощались в имущественных отношениях и проявлялись во всех остальных.

Но так как первобытные производственные отношения в отличие от капиталистических не могли выступать и не выступали как общественные отношения вещей, то они соответственно не могли непосредственно определять волю отдельных людей даже в чисто экономической сфере, не говоря уже о других, которые, как мы уже указывали, и при капитализме детерминируются иным способом. И в результате первобытные производственные отношения определяли не только неимущественные волевые, но также и имущественные отношения в принципе тем же самым способом, которым при капитализме определяются только неимущественные волевые отношения.

Если при капитализме существует тенденция к распространению прямого экономического детерминирования и на иные, кроме имущественных, волевые отношения⁴⁰, то для первобытного общества характерно опосредствованное определение производственными отношениями даже имущественных отношений. Выступая как объективная необходимость для социального организма, как его объективный интерес, система первобытных производственных отношений определяла волю социального организма, его мораль и уже через нее волю каждого из его членов и тем самым воплощалась в имущественных волевых и проявлялась во всех прочих волевых отношениях людей.

Существование в первобытном обществе единого способа детерминации всех вообще волевых отношений делает грань между имущественными и прочими волевыми отношениями крайне относительной. Отсутствие различий в механизме детерминации делает весьма условным различие и по функции.

Конечно, и в первобытном обществе существовали волевые отношения с экономической функцией и волевые отношения, такой функции не имеющие. Но все дело в том, что отношения с экономической функцией имели наряду с ней также и другие функции, причем нередко те же самые, что и отношения без экономической функции. Любое конкретное имущественное отношение было одновременно и моральным, причем не по форме, а по содержанию, а тем самым и по функции. И экономическая функция имущественного отношения не просто сосуществовала с моральной функцией, а была неразрывно с ней связана, не могла существовать без последней.

Следует в этой связи подчеркнуть, что существование подобного же рода одного единого механизма детерминации как имущественных, так и прочих волевых отношений и, как следствие, отсутствие сколько-нибудь четкой грани между ними характерны и для, по крайней мере, части докапиталистических классовых обществ. Именно с этим связано утверждение К. Полани о существовании принципиального отличия ка-

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 426, 427.

питалистической экономики не только от первобытной, но от всех вообще докапиталистических экономик.

Для целого ряда докапиталистических обществ, в частности для древневосточных и средневековых феодальных, характерно, что имущественные отношения в них нередко являлись одновременно и политическими отношениями. При этом экономическое и политическое содержания имущественных отношений не просто сосуществовали, а были неразрывно связаны. Экономическая функция таких имущественных отношений не могла существовать без их политической функции.

Таким образом, как в первобытном, так и большинстве докапиталистических классовых обществ имущественные отношения имели, кроме экономической, также и такие функции (моральную, политическую, религиозную и т. п.), которые в капиталистическом обществе были присущи исключительно лишь неимущественным волевым отношениям. Отсюда следует, что во всех этих обществах экономическая деятельность не была резко отделена от остальных видов деятельности, не образовывала особой сферы, как это имеет место при капитализме.

А как мы уже говорили, некоторые исследователи понимают столь характерное для капитализма четкое различие между отношениями в сфере экономической деятельности — имущественными — и отношениями во всех остальных сферах — прочими волевыми — как различие между базисными, материальными отношениями, с одной стороны, и надстроечными, идеологическими — с другой. Не обнаруживая такого различия в первобытном и докапиталистических обществах, они на основании того факта, что имущественные отношения в них обладают, помимо экономической, также и функциями, которые характерны для волевых неимущественных отношений капиталистического общества, делают вывод, что в первобытном и докапиталистических классовых обществах либо совсем нет базиса, либо этот базис состоит из надстроечных, идеологических отношений. Иными словами, они приходят к отрицанию существования в первобытном и докапиталистических классовых обществах материальных, объективных производственных отношений. Именно к таким выводам пришел, как мы уже видели, Э. Террей.

В действительности волевыми и в этом смысле идеологическими, надстроечными являются имущественные отношения не только первобытного и докапиталистических классовых обществ, но и капиталистического общества. Но как те, так и другие в одинаковой степени являются формой, в которой воплощаются, в которой существуют действительные материальные производственные отношения людей, образующие реальный базис общества. Материальные производственные отношения в равной степени существуют как в докапиталистических, так и в капиталистическом обществе, и в равной степени образуют их основу, фундамент, базис. Поэтому, вопреки утверждениям К. Полани и других субстантивистов, материалистическое понимание истории в равной мере справедливо как по отношению к капиталистическому, так и докапиталистическим, включая первобытное, обществам. Все дело лишь в различии механизмов детерминации производственными отношениями тех волевых отношений, в которых они воплощаются.

V

Попробуем в свете всего сказанного выше разобраться и в той проблеме, которая так или иначе затрагивается во всех работах о первобытном обществе вообще, первобытной экономике в особенности, а именно в вопросе об отношении экономических и родственных связей.

В этом вопросе много неясного и недосказанного. Иногда в работах советских исследователей чуть ли не как синонимы употребляются термины «родственные связи», «родовые связи» и введенное Ф. Энгельсом

понятие «отношения по детопроизводству»⁴¹. Говоря о родственных связях, некоторые авторы сводят их к столь привычному для нас линейно-степенному родству, которое в свою очередь нередко понимается ими как биологическая естественная связь⁴².

В действительности существуют два качественно отличных вида родства — родство групповое, характерное для первобытного общества, и родство индивидуальное, линейно-степенное, характерное для классового общества, причем не только первое, но и второе представляют собой явление не биологическое, а социальное. Как те, так и другие родственные связи относятся к числу социальных отношений, причем не материальных, какими являются производственные отношения, а идеологических⁴³.

Но независимо от того, идет ли речь о групповом или индивидуальном родстве, родственные связи никогда полностью не совпадают с родовыми. Как хорошо известно, не только все родственники никогда не бывают сородичами, но также и все сородичи никогда, если иметь в виду линейно-степенное родство, не являются родственниками.

И наконец, ни родовые, ни родственные связи никогда полностью не совпадали с «отношениями по детопроизводству», независимо от того, понимают ли под последними половые отношения или же социальную организацию отношений между полами. Нередко первые даже исключали последние. Как известно, основным признаком рода была экзогамия, т. е. запрет половых отношений между его членами. Да и в современном обществе в брак чаще всего вступают лица, не состоящие между собой в родстве.

Не вдаваясь в детали отношений всех названных типов связей в экономическом, ибо это увело бы нас слишком далеко, ограничимся лишь принципиальной постановкой вопроса.

Как уже указывалось, первобытные производственные отношения распределения определяли волю индивида не прямо, непосредственно, а через волю общества, мораль. Общественная воля обязывала каждого трудоспособного человека делиться созданным им продуктом с другими людьми. Но уравнительное распределение по самому своему характеру возможно только в пределах сравнительно узкого круга людей. Поэтому общественная воля не может обязывать человека делиться созданным им продуктом просто с людьми вообще. Необходимостью является проведение четкой, всеми осознаваемой зримой границы между людьми, с которыми данный человек обязан делиться, и людьми, с которыми он делиться не обязан, т. е. нужна четкая формальная фиксация круга лиц, внутри которого осуществляется уравнительное распределение.

Этот круг не мог быть не только чрезмерно велик, но и чрезмерно мал и, главное, должен был оставаться сравнительно постоянным. В противном случае уравнительное распределение стало бы невозможным. Поэтому принадлежность к этому кругу с неизбежностью должна была носить пожизненный характер. Необходимостью поэтому было и существование особых правил, определявших, в состав какого именно из таких кругов должен войти человек, который только что появился на свет. Войдя в тот или иной круг, человек, как правило, оставался в нем на всю жизнь. И до самой своей смерти он был обязан делиться с его членами добытым им продуктом и соответственно имел право на долю продукта, добытого ими.

⁴¹ См., например: В. М. Бахтa, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов, Еще раз о книге Ю. И. Семенова, «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 175—177.

⁴² В. М. Бахтa, Т. В. Сенюта, Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии, «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, стр. 83—90.

⁴³ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, М., 1974, стр. 16—43.

На ранних стадиях развития первобытного общества круг, в пределах которого существовало уравнительное распределение, совпадал с производственным коллективом, являвшимся одновременно родом. Формой, в которой члены рода осознавали свою общность и в то же время отличие от членов всех других родов, был тотемизм⁴⁴.

Все люди, имевшие один тотем, были членами одного рода, одного социального организма и соответственно были включены в одну систему уравнительных производственных отношений.

Ответ на вопрос об отношении между производственными и родовыми связями на данном этапе зависит от того, что понимать под последними. Если под родовыми отношениями понимать все вообще связи, существующие в роде, который, как уже указывалось, был на той стадии и социальным организмом, то в таком случае и производственные отношения следует рассматривать как родовые. Они являются родовыми в том и только том смысле, что образуют базис социального организма, который одновременно является и родом.

Но если под родовыми отношениями понимать только те, что делали социальный организм родом, а именно отношения экзогамии или, точнее, агамии, то они представляют собой связи, отличные от производительных экономических отношений. Сама агамия как определенное общественное отношение в процессе эволюции первобытного общества претерпела значительные изменения. Она возникла как объективное, материальное отношение, как отношение производственное хотя и не экономическое (в привычном смысле слова)⁴⁵. В дальнейшем агамия перестала быть необходимым условием функционирования производственных сил общества, а тем самым и объективным, материальным производственным отношением, превратилась в отношение идеологическое.

Но и после того как род перестал совпадать с производственным коллективом, даже между теми его членами, которые входили в состав разных организмов, в течение еще длительного времени в определенной степени продолжало осуществляться уравнительное распределение, т. е. он продолжал еще в какой-то степени сохраняться как круг, члены которого были обязаны делиться друг с другом. В дальнейшем по мере появления, наряду с уравнительными, новых производственных отношений, круг людей обязанных делиться друг с другом, стал все в большей степени определяться не столько принадлежностью к роду, сколько родством, причем не столько даже групповым, сколько линейно-степенным.

Все это вместе взятое и дало основание для утверждения как о том, что в первобытном обществе экономические отношения отсутствуют, а их функцию выполняют родственные (родовые) отношения, так и о том, что в первобытном обществе экономические отношения являются производными от родственных (родовых) связей. И такие утверждения, казалось, соответствовали фактам. Ведь в самом деле: родственники делились друг с другом, а люди, не состоящие в родстве, не делились. И на вопрос о том, что же побуждало первых делиться, напрашивался вполне естественный ответ — родство. Они делились потому, что были родственниками. Ответ казался исчерпывающим.

Но стоит только поставить вопрос, почему то самое родство, которое побуждало людей систематически, изо дня в день делиться в первобытном обществе, не побуждает их к этому в обществе классовом, почему в ходе развития самого первобытного общества непрерывно сужался круг лиц, обязанных систематически друг с другом делиться, как становится ясным, что дело тут вовсе не в родстве, взятом самом по себе. Делиться людей заставляет не родство, а воля общества, содержание которой детерминировано системой производственных отношений; что же каса-

⁴⁴ См. Ю. И. Семенов, Происхождение брака и семьи, стр. 159—162.

⁴⁵ Подробно об этом см.: Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, стр. 516—519.

ется родства, то оно лишь определяет круг лиц, внутри которого дежеж является обязательным, причем как сам факт существования такого круга, так и все его основные особенности определяются характером системы производственных отношений.

Иначе говоря, в первобытном обществе на определенных этапах его развития материальные производственные отношения воплощались в таких имущественных отношениях, которые одновременно были не только моральными, но также обязательно и родственными. Однако нельзя при этом сказать, что данные отношения имеют, кроме экономической и моральной, также и родственную функцию. Можно говорить об экономических актах, но нельзя о родственных. Можно говорить о морали как силе, заставляющей человека делиться с другими людьми добытым продуктом, но нельзя этого сказать о родстве. Делиться с родственниками заставляет не родство, взятое само по себе, а воля общества, т. е. мораль. Поэтому нет никакой особой родственной функции, которая отличалась бы от экономической, моральной, функции помощи, защиты и т. п. И это проводит грань между экономическими, моральными и тому подобными отношениями с одной стороны, и родственными — с другой. Отличие заключается в том, что первые имеют свое собственное содержание, а вторые такого не имеют. Родственные отношения — это связи не содержательные, а формальные. Они всегда существуют как способ фиксации содержательных отношений, как рамки, в которых последние проявляются. Фиксировать они могут не только имущественные, но и самые различные содержательные связи.

ON THE SPECIFICITY OF RELATIONS OF PRODUCTION (SOCIAL-ECONOMIC RELATIONS) IN PRIMITIVE SOCIETY

The author criticizes the view according to which the Marxist thesis on the material nature of social-economic relations and on their pre-eminence over all other social links is true only for capitalism and does not apply to pre-capitalist societies in general and to primitive society in particular.

The author shows that relations of production were material in character in primitive society as well and played a decisive role there; however, people's economic activity was determined by them in a different way than under capitalism.

While capitalist production links determined people's economic actions in a direct, immediate manner, primitive social-economic relations determined such actions indirectly, through the medium of morality. This inevitably leads to the illusion of the pre-eminence of morality over economy. The paper also shows that links of kinship in primitive society are also determined by links of production.